

ПОКОВА

В Покову я попал, дай Бох памяти, в семьдесят шестом году. Я тот год школу окончил. Осенью поехал к брату на Ангари. Он к тому времени на Дворце годов пять прожил и нам про охоту все уши прожужжал. Я так спал и видел себя на осеновке в настоящей тайге. Вот он и сосватал меня в напарники к своему товарищу, кадровому охотнику.

Андрей был поковинский. Там у него, в деревне Костиной, отцовска изба стояла. Участок там же.

Прилетел я перед самым заездом в лес. Как собиратца на осеновку, чё с собой брать не слыхивал. Кабы знатьё, я бы с Васи-то с живою не слез, пускай бы сам всё обсказал да проверил.

Оне сказывали, как туды добиратца, да я не переживал. По физкультуре-то я последним сроду не был.

Из дому выехали до свету. На коня сгрузили всё снаряженне, одёжу, правьянт да харчи на всю осеновку... А сами чуть не девяносто километров бежали взаде! Снегу ишшо не было, поголۇ бежали.

Дорога-то ох кака долга показалась!.. Ну и «нахлебался» я! Андрею чё? Оне обои с конём по этой дороге хоть с завязанными глазами пройдут. Да кака там дорога? Санная называтца! Это шшитай, што никакой нету. По Ангаре вить дорог-ту сроду не было, а в Покову, в еку глушь, и досталь..

У меня уж ноги отымаютца — тово гляди подломятца, икры сводить стало. А ево обреть, што отдохнуть мол пора — стыдно. Ишшо подумат, што я никуды не годнай, да Васе расскажет. Лучше упаду!

Ночь ночевали на гуливане. Андрюха-то в лесу вырос, всё знат. Выбрали место, разожгли огонь. Напились чаю. Подклали раза три, штоб земля под костришшем прогрелась. Потом это место разгребли, очистили, да на тёплой земле постелились спать. Рядом положили два бревна, а под них мох, оне до утра тлеть будут. Правда тепло-то с одной стороны. Пришлось с боку на бок повертетьца.

К Костиной подошли на другой день. Я как избы увидал — упал на коленки. Ей Бох, нисколь не вру! Это ишо хорошо, што не заплакал. Слёзы-то недалёко были..

Пошли в свою избу. Докуль печь прогрелась, успели маломало шмутки разобрать да постёли наладить. И всё молчком!

Андрей,- говорю, у тебя де радиво-то? Скоро новости передавать должны, давай, погоду на завтре послушам.

Негу радива. Чё-то подёковалось, в прошлом годе замольчало.

Дак давай, я погляжу.

Радиво не девка, чё на него глядеть? — а сам всё же пополз под койку, достал коробку, обтёр рукавом, - Шибко охота, дак гляди. А мне оно даром. Еслив ково узнать нады легче к Спиридонычу сходь. Тот про всё доложит!

Я развязал коробку:

Родима мама! Ты ево где взял? — в коробке лежал старый «Турист», ишо в карболитовом корпусе! — Неуж вправду до прошлого году работал?

Как часы — тётка не дас соврать. Как отец привёз из Кежем в пятидесяты года, так ни разу не затыкался. По всему дню ревел.

Я снял крышку. Ё-моё! Изнутри-то што новой! За эстоль годов, видать, никто не разбирал. Берегли пúшше глазу.

Сразу увидал, в чем дело. У этих «Туристов» штоб потише ли погромче сделать, ручку не крутили, а шевелили влево-вправо. Проводок-от и перетёрся в этом месте. Делов-ту, пять минут — вот и заговорело радиво!

Наутре глаз продрать не могу, а слышу — бур-бур-бур, хто-то шушукатца. Ково лешай до свету привёл? Голову-то маленько поворотил — у меня в изголовье на яшишке Агаша сидит, Андрюхина тётка. На коленках узелок дёржит. Он уж успел железну печку растопить, с паперёской в зубах сидит на кокурках перед дверцей. У чайника из носури пар пошел — вот-вот закипит. Видать давненько сидят..

Тут тётка бросила на меня глаза:

Ва-ай, никово не вижу, парень-от не спит! Думала так и уйду, не дождуся. Это в тебя куды воходит, эстоль спать? Скоро уж рассветат, ты всё лежишь. А я утресь коровёнку почилькяла, дай думаю забегу погляжу, как ночевали, да молочком напою. Зашла, а тут радиво играт! Оне де ево взяли?! А Андрей, мол так и так - Серёга направил. А ты, родимай, на это учился, ли как ли? На радивомонтёра-то? Пошто вчера-то никово не сказал? Я бы тебе сразу всё и ондала. А то, вишь, пришлось сёдни с краю на край два раз сбежать. Работу тебе притащила. Эвон сколь насбирала, - она указала рукой на передний угол. На

табаретке лежала ишо одна котомка, тоже увязанная в платок, ты уж, ради Христа, не отказывай. Хоть изо всех один сложишь, и то давай суды! Уж не всё же вы по лесу бегать будете – сколь-нить времечка выберешь. Торопить никто не торопит, лишь бы направил. Это вить стыд, што радива в избе нету! А я до смерти люблю песни слушать. Наипаче как под гармонь да под баян поют. Ковды и спляшу под них. А чё?!

Ано хто чеву, ты замольчишь ли нет!? Пошто парню стать-ту не даёшь? Пушай на двор бежит оправитца, да ополоснётца. Он уж ишо отошшал, а ты буровишь сидишь, чё не попада.

Вай, дак вправду вся круговá. Это я на радостях разговорелась. А ты чё думаешь? Новы люди, из большой деревни приехали. Ну иди-иди!

Я не двадни соскакивал! Исправил все дела – на улице не жарко, долго не посидишь. Потом ополоснулся из рукомойника.

А у них уж чай на столе. Гостья развязала свой узелок:

Гли-ка, я вить не с простыми руками пришла. Это тебе за работу! Сёдни уж отстряпалась. Рыбник ешьте да шаньги картошешны. Какесь горечи были. Долго спишь, всё простыло, Агаша живо налила молока из трёхлитровки, тоже утрешнево удою, Дак чё и говорю, без радива-то худо-нахудо. Чуть чеву, бежим к Спиридоновичу на рацию. И новости все у нево. Дак у них не поразговаривашь боисся лишный раз рот отворить, не то што чеву. Ты што-о-о!!! Он вить партийный не дай Бох чё-нить неладны сболтнуть... Потом не оберёсся. Осердитца, дак вся деревня на бобах останетца – не будет к рации допускать...

... Я слушать слушаю, а про пироги не забываю. И как она их заводит – во рту тают?! За таки пироги пожалуй и «радивомонтёром» не грех поработать.

Тётка посидела недолго, побежала домой. Напоследок наказала:

Воду будете таскать, дак у нашей ердáни я шест воткнула с зелёной тряпичей, штоб не спутали с карнаевской.

Ты чё, тётка, мы почево на другой-то край пойдём? Тут ближе-то пролубли нигде нету ли чё ли?

Дак счево нету-то? Есь. И у Поликарповича, и у Терентьевича на этом краю. Дак оне не дают в своих-то пролубях воду черпать. Ишшо в прошлом годе завели моду, штоб каждая изба свою ердань чистила!

Ишо не лучше? Наготово одичали – пролубли делят! Вы чё народ-от смешите?

Тётка махнула рукой и отворила дверь, находу бросила:

- Ну гляди, раз перепоясают коромыслом — не смешно будет. А мне дак ничё, не чижало вычистить. Сам с осеновки приедет и овсе меня ослобонит. Дак зато не об чем и говорить! А то вить как утро, так под угором ревишша! Сёдни, примерно, очередник узковату ердань расчистил — не то што ведро, ковшик не воходит. Вот тебе и ругань. Назавтре большу хто-то выбухал. К большой-ту опять подходить бо-язно не дай Бох посклизнёшься и улетишь туды. То воду налили кругом — стырят, мол обутки промочили. А со своёй-ту пролубью делай, ково хошь. Мы дак уж привыкли, бытто так и нады.

От деревни к тому времю осталось одно прозвание. Но всёж-ки в пяти избах жили. И все пять — Иваны.

Первый Иван Поликарпович. Думаю, што он костинский, но до самой пензии жил в Кежмах. Возил на самолётах рухьерску почту. Все знают — это почтальён, только называтца красивше. А Поликарпович шшитал себя почти што лётчиком и поглядывал на всех свысока.

Другой Иван Терентьевич. Болтуринский. Как уж он в Костину попал — не знаю. И чё им на Болтурине не жилось — тоже. Ну да это их дело.

Третий Иван Карнаев, отчество у него я то ли запамятовал, то ли не знал. Да и самото худо помлю.

Четвёртай Иван Спиридонович.

У него всё было не как у людей. Один коммунист на всю деревню. У него же была рация, тоже одна на всю деревню. Черезь неё держал связь с миром. Но само главно — у него баня с земляным полом и топелась по-черному. Другу никак не хотел. Как его старуху звали, не знаю, врать не буду. Но уж така чистотка да рукодельница — каких поискать! У ней в избе сроду пылинки не было! Кровати с подзорами. Половички из белёного холста. Уж у ней и окошки, и кровати, и настенник — всё в кружевах да в вышивках! Сколь из-за этой бани ни стырила, никак не могла его своротить.

Дак она каждую неделю скоблила стены в бане ажно до желта! В субботу шла в лес, натаскивала в баню пихтачу, застилала им весь пол. А сам-от парился шибко. Уж он хвошшетца-хвошшетца, обольётца студёной водой — и опять за веник! Потом падат на пихту — отдыхат...

И пятай тоже был Иван. Но этово я в глаза не видал. Мы его в деревне не захватили — он ишшо до нас ушел в своё зимовьё на весь сезон. Домой выйдет к Новому году. Знаю, што за ним взамужем была Агаша, Андрюхина родна тётка.

Вот и вся деревня.

День отдохнули да взялись за промысел. Там и снежок выпал.

Из Андрюхи слова не вытянешь — немтырь, каких свет не видел. Как с утра выходим из избы, он ноги в юксы сунул и пошел.

Вот уж де я проклял всё на свете! Лыжи-то не беговы — охотничьи! Да камусны! Я почём знал, што к нимя сперва приноровитца нады, на них не вдруг побежишь! Это бы ладны, да лыжи-то попали ништо ничаво старьё. Юксы худы, нисколь не дёржат. Катанки в них хлябают, туды-суды катаютца...

Дак я издива вышел — по всему дню двоём ходим, Андрей хоть бы раз на меня оглянулся! Это што за терпенишше! Изредка остановитца паперёсу прикурить, дак и то в мою сторону голову не повернёт! Ишшо дивья, што снег неглубокай был. Я как из мочи выду, лыжи на плечо и врыссу за нём! Догоню, тожно опеть одену. А он бытто овсе про меня забыл — идёт и идёт. Нисколь не сбавлят. И молчит всю дорогу. Знат вышагиват как ни в чем не бывало!

Раз тако дело, чё я за нём таскатца буду? Стал ходить от нево на́разно. Конешно было страшновато. Наипаче попервости. Ишшо и Спиридонович кажиннай вечер придёт и рассказыват про медведя. Зачин у нево один:

Да, паря, повидал я на своём веку ведмедёй, добывать не раз приходилось. Правду сказывают охотники, сороковой — он обязательно роковой.

И давай заливать, как привязался к ним осенью медведь-шатун (сороковой по шшоту!). И был этот медведь умней человека. Как толька он не изгалялся над охотниками, а оне никово сделать с нём не могли!

С каждым вечером этот медведь по рассказам всё хитрей и хитрей делался.. А само главное, што ево до сей поры ништо так и не дóбыл. И каждую осень он ходит тут по деревням, пужат народ.

Веришь ли нет, а по лесу ходить всё ж-ки страшновато...

А ко мне старухи ходить наповадились. Идут то со стряпнёй, то с рыбкой или с рыжичками. У всех была одна беда — радио не работат. И, главное дело, у всех были одне «Туристы»! Видать в одно время брали где-то. И болесь одна — проводки перетёрлись от старости или уж батарейки потекли. Вот я и наловчился. Пять минут — и готово. Видать подчистили все завозни и кладовки, изо всех углов вытащили «Туристов». Я раз не вытерпел, говорю:

Баба Шура, дедушка пошто сам-от не снял покрышку? Сразу бы причину нашел. Отправь ево суды, покажу, где глядеть нады и научу ково делать.

Ему хто дас покрышку снять? Я сама-то пыль с нево раз в месяц стираю, штоб не дай Бох, не повредить незначай. А этот — он вить толька изнахратить умет, боле никово!

Дак я скоро уеду, пушай сам привыкат ремонтирует
Ты мне об этом даже не заикайся! Ему сроду никово нельзя в руки
дать — не то што исправить, наготово напарухат. Он раз в год лучину-
то нашшепáт, дак я с ней огонь разжегчи не могу! Ни на охоту, ни на
рыбалку — никуды не годнай. Однем бы языком и работал — ботало,
боле ништо!

Дак ты пошто за еково-то пошла?

От! И мне ково-то молол-молол языком, не увидала, как взамуж
выскочила! А чё сделаешь? С нём вить тоже кому-то жить нады.

Сколь годов прошло, счас уж и Покову затопило, а Костино перед
глазами стоит. И Андрюху (живой или преставился?), нет-нет да
спомню... Наипаче на охоте. Не знаю, много ли я у него перенял..
Само-то главное, што он мне охоту не отбил в лес ходить!

А сигнал к охоте у меня один — как в сентябре всё тело засербелось,
пора начинать закупать правьянт да складыватца. Другово лекарства
нету.

СБОРЫ НА ОХОТУ

Василий не стал дожидатца ужну. И не то штобы шибко торопился
— боялся, што Лидка захватит ево в избе и заставит ково-нить по хо-
зяйству делать. Кое как похватал со сковородки и побежал в избушку.
Жалезна печка в углу протопелась, он подбросил шшепья. На улице
ишшо не холодно, можно бы и без печки.. А Васька любил, штоб она
топелась. Лучче дверь открыть как жарко станет

Сбегал в завозню. (Он сроду не ходил, всё боле врыссю бегал!) До-
стал с вешалов сетушку. Обругал себя за лень сразу нады было вы-
брать да встряхсти! Счас занятца — это сколь времишша уйдёт?! На
скору руку тут же ошмоктал траву Страхнул. Докуль аппетит есь,
нады хочь одну починить — не увидишь, как весна подскочит.

Натянул сеть черезь всю избушку из угла в угол. Оглядел. Обобрал
остатки сухой травы. Бросил на пол стару теплушку. Сял на неё, по-
добрал под себя леву ногу.. Ох и любил он один посидеть с ловуш-
ками!.. В печке тлеют уголья. Тепло. Тихо. А, главное, Лидка с тёшшей
не досажают с разговорами. Руки сами ошшупывают стень .. находят
дыры.. деревянной иглой с намотанной ниткой тут же надвизывают
ячеи... Он кажну дыру наперечёт знат.. Откуль взялась, хто по-
рвал... вот тут, к примеру, ершишка всё в кучу собрал, пришлось
ножиком вырезать. А тут шшука... Какэсь скрозь пролетела, да в

режь запуталась!... Ох и кобыла была! Докуль вытаскивали, лодку было опружила! А Лидка из неё опосле целай таз фаршу навертела. Всю родню снабдила шшучьими котлетами.

Нóнешно лето рыбы везде хватало. Плавежом хорошо дóбыли. Грех жаловатца.

.. Но, паря, ишшо не башше! Тут што за прореха, откуль взялась?

А-а-а, тут задёва была, никово сделать не могли.. Да-а, нады померековать, как ловче зашить.

Думал бы и думал об рыбалке. Душа отдыхат..

Тут дверь отворилась. Оглянулся – сват Михаил.

О! Думал свежи, а тут всё те же! Садись, раз пришел.

Сват снял шапку, об колено стряхнул с неё снег У порогу присял на низеньку скамеечку.

Дак, паря, тебя-то не дождёсья, сроду не придёшь.

- От моих баб куды выскочишь? Здохнуть не дадут, всё у них кака-то работа!

Ври да не завирайся! Шибко-то захотел, дак вырвался бы на час-другой. Гляжу, паря, ты самай раз за сетушки-то взялся..

Да, думаю, нады починять по-маленьку, докуль времечко есь.

Оно у тебя откуль, время-то? Черезь неделю нады в ўхожье быть. Про осеновку-то не забыл?

Мне долго ли собратца – только подпоясатца! Вечер-два и готово!

Эка, паря! Сколь не скорай ли ты! Всё-то у тебя наскоком. Как на охоту идти, так собак кормить! Завтре штоб, как штык, у меня был!

Да я завтре было собирался ехать макчёнов сáчить. Садок уж направил.

Не хошь со мной охотничать езжай, сачь. Ты, сват, гляди – я без свяшшика не останусь, только свистну счас же прибегут...

Дак я умом-ту думал, ишшо рано.. Ланись на неделю позже уехали.

Сват хлопнул себя по голяшкам:

Ети ево дивизию мать! Тебе сколь говорено, што нонешнай год в лес поголú попадать нады!? Давай шшитать, раз мне не веришь.

Михаил взялся загибать пальцы:

В ручье заездок загородить нады? Раз! Сlopцы да кулёмки нала-дить – два. Капкання насторожить – три! У зимовья угол стал промер-зять, мохом утыкать нады. Дров напилить. Я ково тебе рассказы-ваю?! Сам не знашь?!

Ты, сват, на меня шибко голос-то не подымай! Я тебе не челядён-нок. Подсобирываюсь. Эвон, в завозне весь угол завалил. Тёшша уж бурчит ходит, черепки негде складывать.

- Дак как не заревёшь?! С весны трóстил, што этот год порáне уедем. А нонче видишь, ково погода-то делат? Снегу навалило, местами уж какэсь по оборину. Это хорошо, што зимовьё на рёлке - может не шибко занесёт. Ты ишшо тут со своими макчёнами.. Тебя вить не сразу поймёшь, шпанишь ли вправду говоришь...

Мало-помалу сват остыл. Достал из процыгару паперёсу. Закурил.

Вчерась кособыцких стретил. Были на тракторе у нашево зимовья. Ходят там два сохатых. Не уйдут, дак с мясом нонче будем. Я уж из-за чево пúшше-то и тороплюсь.

Василий спиной прислонился ко стене, прижмурился:

Не поверишь, а я сплю и вижу беличьи курёнки... вот никакo мясo за них не нады.

- А мне оне даром што есь, што нет. Я уж надеюсь на свежатинку. Мне дак лишь бы сохатина была. Слашше мерзлятинки никово нету! Наипаче печёнка... - Михаил закатил глаза, поцокал языком: Никаково шшикаладу не нады...

- Этот год корму в лесу хватат. Птица будет. Может пальника стрелим.

- Всё ничё, вот на сохатово-то у нас собаки добрай нету. Мой Буран без сучки на зверя ни за што не пойдёт.

- Да, Яковлевич, я вить сёдни свою сучонку в лес водил, опроведал!

Ну и как она?

- Да ничаво. Повизгиват.

- То и есь, што повизгиват... Одно слово - первосёнок. Учить нады. Посидели, покумекали. Без доброй собаки кака охота?

- А ты не слыхал, Трофимович нонче в лес не собиратца?

- Какой ему лес?! Вечор стреч идёт - кожа да кости. Не знаю, чем дюжит. Тово гляди - кондрашка хватит. Он тебе почево?

- Да у нево сучка-то лесова, вышколил её куды с добром. Как думашь, дас-нет? Счас попутё зайду к нему. Мясa за собаку посулю - не откажет.

Михаил достал из карману измятый листик гумаги.

- Я тут список приташил, ково тебе направить нады. Всё забудешь. Первым делом провьянт погляди. Стиунец-то как, годнай ишшо?

- Дак как? И двустволка... Обои почистил и смазал. Я уж их на́стю..

- В прошлом годе у твоих лыж юксы худы были. Не заменил?

- Всё наладил. И камасья проверил. Я нонче с лета взялся собиратца. Тёшша и та не отвертелась заставил новы кокольды связать да

накухтарник пришить. У поняги ремни старые заменил. Бокари новым подшил и головки смазал. Постегонку и ту взапас взял. Ково ишшо нады?

Михаил прикурил нову паперёсу. Маленько подымил.

Мужики болтают, счас какие-то китайски фонарики пошли, шибко хороши. Ни у ково не видал?

От тебя, паря, никово не утаишь... Никак не хотел тебе заране казать... Лидкин племянник мне екай фонарь на подарок летось привёз из Красноярску. Я было просмеял ево — почево он в лесу-то, толька парнишке на чечки... А после разобрался чё к чему! Никакой ланпы не нады ни в избе, ни на улице красотишша! Карасин припасать не нады. А до чево далёко с ним видать!.. Не поверишь какэсь што днём идёшь... Думал как в лесу достану из яшшика, вот ты глаза выгарашишь!!!

Да, паря, тут ты меня опередил! Поглянетца, дак закажешь напрók своим, пушай ишшо один посылают, — Сват поднялся, надел шапку, — Вот завтра заходи, подобьём бабки. А я с утра дойду до приседателя. Нады в колхозе коня просить. На чём в лес-от попадать будем?

Михаил уж отворил дверь, да не утерпел, наказал строго-настрого:

А ты собратца-то соберись, а в яшшики не складывайся. Я сам сперва погляжу ладом — может ково не хватат, да где ково исправить нады. Во вторник пойдём в лавку, харчей наберём. Вскладчину! Деньги взять не забудь. А в середу уж крайно выежжать нады.

Васька не успел устроитца на своём месте, опять скрипнула дверь. Сват! Ишшо не всё сказал.

Ну, товаришш, я уж наравне с тобой закружался. Почево бытто заходил? Давай кажи, каких лекарствов в лес набрал?

Василий заюлил:

В завозню идти неохота. Завтре захвачу с собой, всё равно к тебе пойду...

Ты мне не вилай! Знаю я твою моду — всё напослед оставлять.

Да говорю тебе — к завтраму всё соберу!

Тебе вить толька Лидке сказать, она сама всё складёт...

Она бытто почём знат, чё нады? А мне над ней стоять нековды...

У Михаила речь отнялась... Оно хто чево? Это што за мужик?!

Ну, паря, ты и сказанул! Она у тебя кем работат, не забыл?

Я чё забуду-то? Дак она вить не в больнице фершал-от, а в вилитинарке.

Ты думай головой-то — человечьему фершалу чё нас не лечить? Сам же ему всё обскажешь, где хто у тебя болит. Он тебе таблетку сунул — иди лечись.. Вся работа! А вилитинар?! У коровы, а наипаче

у жеребца, много ли наспрашивашь? Вилитинары, оне поболе наших врачей знают. Да нам вить никово шибко хитрово и не нады. Само главно, штоб от головы было, да от брюха...

Ну всё! Накажу я ей, на-ка-жу! Утре приташит.

Михаил сдвинул шапку, поскрёб затылок:

Подумай-ка, Алексеевич, давно ли стали с тобой охотничать-то? Это сколь годов ты со мной уж ходишь? Пять-шесть? А вить никака лихоманка нас не брала...

Не бай... Ото всево самогонка помогала.

- Вот-вот. А нонче? Моя-то ково придумала!? Положила две пачки сухой горчицы. Дескать она от простуды хорошо. В носки, грит, насыплешь, так и ходи. И Василля заставляй. Ишшо дикалон навеливала, мол им на ночь нады растиратца. Как што не одичала!? Этим дикалоном путик опрыскать – дак года три ни сохатово, ни соболей не увидим... От нево душина – не дай Бох!

Да-а-а-а... Ишо маленька и будем старух с собой брать. Пушай нам горчишники ставят да поясницу натирают.

Аха. С ния порепетировать, дак оне и ружьё за нами таскать научатца?

Шутки шутками, а ты проверь, штоб Лидка ко всем пачкам инструкции приложила, хто от чево... Не забыл, как в прошлом годе меня от простуды лечил? Чуть в землю не угнал!

Васька покотился с хохоту!

Михаилу показалось обидно:

Тебе смешно. А я вить дня три боялся штаны застегнуть. Так пронесло, напоследке-то уж ветром качало!

Васька кулаком утёр слёзы:

Да понимаешь, у нас дома этих лекарств – каких толька нету! Во всех углах! Главно, вить сроду ниhto не хворат. А чё им валятца-то?! Ну я и насобирал, думал обоим на всю осень хватит. Ишшо и останутца.. Это уж потом мне Лидка растолмáчила, откуль у тебя понос взялся..

Михаил напрёгся. А Васька выставил вперёд обе руки:

Я всё обскажу, только ты не реви сразу-то. Сперва подумай, потом на честность скажешь – до тебя доведись, ты бы сам допетрил или нет. Ну вот, слушай... как на духу говорю я сроду не знал, што тёшша запорами маетца. Вот Лидка ей и натаскала. А тебе бы пало на ум, што пилюли, сколь дома есь – все пурген?! И порошки – пурген?! Залез на полку по охотничий билет – там настойка кака-то в кáпошном пузырьке. И главно дело, всё не по-нашему пропечатано, а внизу русскими буквами приписка «препарат повышенной эффективности».

Ну, думаю, с такой припиской должно ото всево помогать! Да и негодно лекарство на божницу не спрячут! Не поверишь — эта настойка и та слабительна!.. Главно дело картинки-то с буквами на всех пачках разны! И всё не по-русски! Ну?! И ково бы я там разобрал? Я вить тебе не фершал...

Вот Якуня-Ваня! А я всё думаю — счево это меня пронесло? Сроду этово не бывало! Сколь себя помню, брюхо у меня как часы работат! А тут на тебе — главно таблетки пью, кашель не униматца! А понос и тово тошней донимат! Я уж не знал, ково и думать. Тут ты верно смикитил, што сразу не сознался..

А я чё говорю? Счас я с Лидки с живой не слезу, пока аптечку не складёт...

Всю дорогу до своей избы Михаил думал — што за мужик этот Василий? А вот привязался к нему и всё.. Сам не знаю, хто чеве? Без нево тоскливо. Не могу дождатца осеновки. Другово напарника никак не нады хочь не кружай он!

СДАЁМ ПУШНИНУ

Сёдни сдаём пушнину. Мужиков в заготконторе битком набилось. Все в уме подшшитывають, хто сколь получит. Прикидывають, как ловчей у бабы выманить на новы лыжи, а хто и на ружьишко замахиватца... И купить охота и штоб не убытошно было.

Хоть како переживанне, а в сельпо посыльново снарядить не забыли. Хто первый деньжонки получил, тот и побежал. Бежать недалёко... А добычу не обмыть грех..

Охотники хто сидит, хто стоит. Переговариваютьца. В одном углу спорят, а в другом уж стырить взялись. Даром, што горло промочить не успели, а ревут бытто встельку напились.

Спорили недолго сошлись на том, што нонешна осень хуже прощлогодной.

Толя Зая, приёмщик, посмеиватца:

Сколь годов слушаю ваши разговоры — ни разу нонешним годом не похвастались! Всё-то у вас осень даром прошла! Где на сдачу-то берёте?

Дак мы счево врать-то будем? Ково хошь спроси - в прошлом годе куды лучше дóбыли. Белка-то какэсь ходом шла. Не успевали оснимывать.

- А ты чё сравнивашь? В прошлом годе на шишку урожай был. Раз корму навалом, вот и белки и птицы полно. Наипаче пальников.

- Не бай, я однех белок сдал боле двух сотен. Дак это ишо Вера оставила сколь-то нам с ребятами на шапки. А сегоды кака охота?!

Да-а-а, товариш, эти года соболя-то стало много меньше. Кое-как наскрёб, штоб хоть оправдатца. Однако на правьянт да на харчи боле издержался.

- Не ты один, все жалуютца — в лесу-то голó, духу никово нету! Так пойдёт, дак нёпочево и охотитца будет...

Андрей не выдюжил, поддел:

- Тебе-то, сват, грех плакать все видали, сколь на сдачу прибурил. Однех соболей полон куль.

- Не знай уж ково вы увидали. Шибко-то завидовать нечему. Белка нонче вся сполодимо с подпалью. Соболишки невыходны. Добрых-то штуки четыре однако, а эти ништо ничево. Хорошо если с половины сходны будут. На меня-то чё оглядыватца? Эвон Иван с Костей поболе притащили, чё-то не хвастаютца..

Иван сразу оширшил:

А ты, паря, на чужо-то не зарься. Тоже путново мало. За еку пушнину хорошу цену ништо не дас. Так што наравнэ будем получать..

Встрял Николай — лентяй и трепло:

- Ну-у-у! Я бы естоль-то дóбыл, счас бы вам бутылку выставил. С такой добычей можно жить!

- Кольша, ты с добрыми-то не равняйся - все знам, какой из тебя охотник! Ты из зимовья-то, ага, толька оправитца выходишь. Тебе вить на лыжи стать нековды! В ночь-полночь рацию включаю ты уж там сидишь, ага, анекдоты травишь! Пушнина, паря, сама не придёт... За ней, ага, побегать нады!

Тут в углу у дверей захохотали. Все потянулись послушать — над чем?

Платонович сидит в самом углу, сбúриват на Михаила.

А маленько погодя вместе со всемя покатываются со смеху:

- В прошлом годе отгуляли мы тут. Я с устатку придремнул, не слышал, как разошлись. Навроде показалось, бытто под столом собака шараборитца. Гляжу, Кобыча выползат! Видать ишо хлешше меня

нализался. Ты ково, говорю, там ползашь? Он мне отвечает, да так сурьёзно:

Пробки от красново вина собираю.

Оне тебе почево? Не лешака ли с нѣмь делать-то? На ёлку вешать?

А ты не знашь? Капканья наживлять буду.

Не заливай! Сроду не слыхивал, штоб их пробками наживляли...

А ты где услышишь? Я ланісь вычитал в журнале, сам нонче только опровердал. Не поверишь, единово капкана простово не было! Пробки-то пропитались вином, дак собољ на них валом валит! Возьми эвот на пробу, я счас насобираю.

Я шибко-то не поверил. А потом стал задумыватца. Михаил без добычи из лесу не выходит. Пушнины сдаёт порядошно.. Опеть же охотничий журнал из году в год выписыват. Там вить ково ни напишут?! Можеть и вправду вычитал.

С другой стороны поглядеть, пробка — это тебе не рыба. Один раз наживил и на всю зиму хватит. Ходи потом собирай соболей! Подживлять не нады...

Всюё зиму пробки собирал! Челядь настрополіл, где увидят - сразу в карман. Павловна и та штук пять притащила!

Всё же наживил я капканья. Дивья — пробочки из карману доставай да поддевай! Это тебе не с накрохой таскатца! Спасибо Мишке!

Сам себе загадал - выдюжу неделю на путик не заглядывать, буду с добычей... Который день шибко невтерпёж, осаживаю себя, мол пушай поболе попадёт, штоб здря не бегать. Уж шибко хорошо пойдёт дело с пробками, дак почево с ружьём-то ходить?! Я вить тоже не молодёю, всё лишній день отдохну...

Время идёт. С собакой загнал с десяток соболишек. Ходил влеготочку, не надсажался. Думаю — вдруг в капканья напоят прѡпасть, как со всеми-то идти сдавать? Завидовать будут — не без этого... Придѣтца всем рассказывать об пробках. На другой год, тово и гляди, соболей на всех охотников не хватит...

На восьмой день всё же пошёл проверять. А к капканьям хоть бы один след! Хоть бы нарошно!...

Чё делать? Давай другой раз ходить, да накроху раскладывать... Ох уж я ево и погадил! Столь время провёл! Хорошо, што он далёко охотитца, а то бы взял грех на душу.

Подошел Хомай, Кобычин зять:

С моим тестем, паря, не стоскнёшься.

Но-ка, но-ка Расскажи, ково он опеть отчубучил?

Дак чё? Прихожу к нему в избушку, гляжу - кругом соболя сушатца. У окошка ишо кака-то шкура натянута. Сыздале-то бытто на песца находит. Он ево де взял? Спрашиваю:

Ты не шшенка ли застрелил? У окошка-то ково сушишь?

Соболь.

Я чё, соболей не видал? Этот с хорошево песца ростом-ту.

Ну и чё што с песца? Така порода...

Добыл я огонь, давай пушше глядеть. Оно хто чево?! И шерсь и мордочка навроде соболины. Дак это што за соболь за такой? Ушей не видать, одне дырки... И лапок-то шшитай нисколь нету, какэсь капошны. Как на еких ходить он чё, на брюхе ползал?

Оно это што за диковина? Расцветкой-ту точно как соболь. Лешай знат, што за зверёк...

Я разглядываю, а тесь как ни в чём не бывало похаживат управлятца, собак кормит.

Как я добром-ту разглядел — ухохотался, думал учишаюсь! Это вить нады было додуматца соболя натянул на большо пяло! Как уж он ево растягивал — не знаю... И уши и лапы — всё утянуто. Дак шкура-то скрось просвечивала, не то што чево! Диву даюсь — как не порвалась?

Это вить нады соболя не пожалел. Вот уж любитель пошпанить!..